

Общая газ. - 1995 -

2-8 марта - с. 11

РАМПА

А вдруг на горизонте Лир?

Возвращение на сцену Владимира САМОЙЛОВА, одного из известнейших артистов театра и кино, можно считать поистине триумфальным. Три года назад Владимир Яковлевич ушел из Театра им. Маяковского, где проработал более двух десятилетий, и мы почти ничего о нем не знали. И вдруг пришло известие: Владимир Самойлов репетирует главную роль в спектакле «Долгий день уходит в ночь», одной из сложнейших пьес Юджина О'Нила, на сцене Театра им. Гоголя у Сергея Яшина. В феврале состоялась премьера — на сцене предстал все тот же яркий, подлинно трагический актер. А ведь некогда наше знакомство с Владимиром Самойловым и начиналось с трагедии — с Ричарда III в спектакле Горьковского театра, привезенного на гастроли в Москву. Именно тогда начали московские режиссеры переманивать Самойлова в столицу...

— В общем, это, конечно, была моя ошибка, что я так поспешил в Москву. В Горьком мне предстояло еще сыграть Шекспира, но я этим пожертвовал. Надеялся, что в Москве что-то удастся — слишком много было соблазнов. В частности, Борис Иванович Равенских приглашал меня на Бориса Годунова в Пушкинский, а потом, когда перешел в Малый, и туда звал, но что-то у нас с Царевым не получилось. Несколько лет назад режиссер ленинградского телевидения Александр Белинский предложил подумать о короле Лире, даже подарил мне шекспировский двухтомник — но все это тоже как-то заглохло, не случилось. Честно говоря, я роль-то выучил самостоятельно, не думая о том, найдутся ли деньги, вызовет ли вообще этот замысел какой-то интерес. Просто учил — в основном в электричке, между дачей и Москвой.

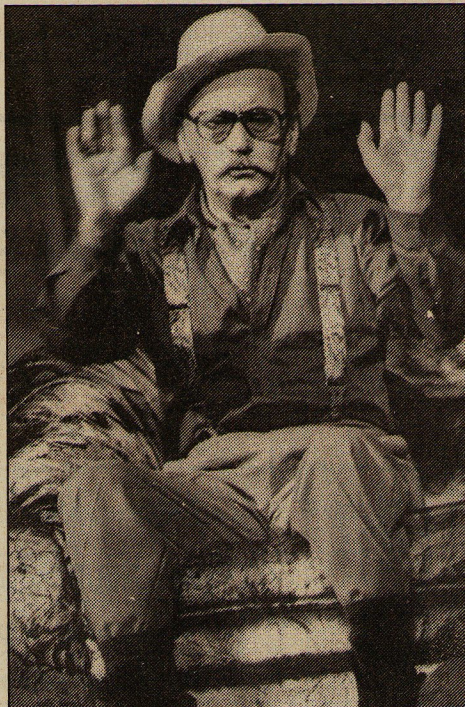
— Значит, играя в О'Ниле актера Джеймса Тайрона, мечтающего о шекспировских ролях, вы как бы восполняете свои собственные актерские мечты?

— Сама мысль о том, что я могу вслух со сцены произнести те несколько фрагментов, что вложил в уста Тайрона Юджин О'Нил, мне необычайно дорога. Душу свою восполняю...

— По моему ощущению, Юджин О'Нил — один из самых трагических драматургов XX века. Как это соединяется для вас, если соединяется, с трагизмом мироощущения Шекспира?

— Конечно, соединяется. Здесь ведь не просто отвлеченное мирозерцание, здесь и поглощающая, засасывающая суета. Ведь быт поглощает человеческую душу, особенно — актерскую. А актер — единственная, если можно так сказать, профессия духа. И душа моего героя, Джеймса Тайрона, постепенно вязнет, гибнет в суете. Помните, О'Нил пишет, что в начале пути попала Тайрону какая-то кассовая пьеса, и эта кассовая пьеса поглотила его мечты. Потому что все уперлось в такую знакомую нам проблему: надо жить, надо зарабатывать деньги. А знаете, какая это была пьеса? Мы в Америке, играя на фестивале четвертый акт «Долгого дня...», выяснили, что это был «Граф Монте-

Михаил ГУТЕРМАН

Кристо». Так что Джеймс Тайрон всю жизнь играл графа Монте-Кристо, живя с неосуществленной шекспировской мечтой в душе... Я когда узнал про это, взял и перечитал «Монте-Кристо» с мыслью о том, что же могло там прельстить Тайрона, почему ради этого он пожертвовал стольким многим? Конечно, материал кассовый, но и романтический — это очень важно для моего героя. И вот Тайрон сыграл эту пьесу — успех, деньги, и суета постепенно поглотила человека нестойкого. Такого, как я, нестойкого...

— Оговорка ваша, Владимир Яковлевич, очень интересна. Вы настолько идентифицируете себя с Тайроном?

— Это, конечно, шутка, но герой близок мне во многом. Вообще, по-моему, это очень современная пьеса. Не будем говорить о философских категориях, но даже в мелочах. Помните, Тайрон говорит: когда я стал скуперджем, то понял цену доллара. Сколько всего за этим стоит — для нас сегодня. И ужас развала семьи, который мы переживаем. О'Нил одним из первых в нашем веке про это заговорил. Есть у него какая-то пронзительная откровенность в безжалостном препарировании себя. Это ведь трагедия — так открыто, так страшно рассказать о гибели собственных близких... Пожалуй, ни у одного драматурга я не встречал такого самоубийствения, самобичевания. На это нужна большая отвага.

— Владимир Яковлевич, а почему вы ушли из театра?

— Сложно сейчас об этом говорить. Мы в Театре Маяковского выпустили тогда спектакль «Летят перелетные птицы». Ставила его Генриэтта Яновская, работа была очень тяжелая, она вымотала меня совершенно. Сыграл десять-пятнадцать спектаклей и пришлось лечь в больницу на операцию — мне тогда удалили легкое. Ну, а после возвращения я так и не вошел в свежий репертуар — бывает так, не можешь вернуться. И на протяжении почти шести лет я играл три старые спектакля — «Беседы с Сократом», «Игру в джин» и «Смотрите, кто пришел». И ушел на пенсию...

— А что вы делали эти три года?

— Снимался в кино. В великолепной, на мой взгляд, картине, одной из самых, может быть, главных для меня — на «Беларусьфильме» режиссер Вячеслав Никифоров поставил фильм «Душа моя, Мария». Про мое поколение фильм, он был бы очень важен для многих, но как раз, когда закончилась работа над ним, начались пертурбации в стране — и никто ее не увидел. В Белоруссии, впрочем, она все-таки прошла. С Никифоровым я вообще всегда с удовольствием работал — еще когда-то мы с ним делали «Зимородок», «Хлеб пахнет порохом», потом я снимался у него в «Отцах и детях», в «Дубровском»... А «Душа моя, Мария» — что-то очень личное, вся жизнь человека моего поколения...

— Кстати, о вашем поколении. Мы начали наш разговор с трагедий Шекспира, а вы, человек, прошедший одну из самых страшных трагедий...

— Мне было шестнадцать, когда я ушел на фронт. Я как-то стоял в очереди — никогда не пользовался своими военными привилегиями — и подошел мой ровесник. Вокруг зашумели, он гордо поднял книжку, и одна женщина, лет сорока, как-то так просто, привычно сказала: «Когда вы все передохнете?..» Что об этом говорить?.. Когда мы снимали картину в Белоруссии, меня в каком-то интервью спросили: как я отношусь к тому, что вокруг происходит. Я ответил: идет третья мировая война. Просто другими способами и средствами. Я стараюсь не смотреть телевизор, не читать газет. Потому что постоянно натываешься на ложь, на лицемерие — и перебороть себя невозможно...

— А как начался ваш «роман» с Театром имени Гоголя?

— Начался с приглашения на роль Тайрона. И я пришел в труппу этого театра. Планов никаких особенно пока нет, есть какие-то варианты, но говорить о них рано... Вообще это очень трудно — войти в новый коллектив. Но я вошел в эту труппу на редкость легко. Все получилось удивительно естественно и просто. Мне надо сейчас быть в работе, хотя нет какой-то определенной роли, о которой бы я мечтал. Разве что Лир еще возникнет на каком-нибудь повороте судьбы...

Беседовала
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ